

Попов С. И.

ТЕЗИС СОФИСТА ПРОТАГОРА «ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ МЕРА ВСЕХ ВЕЩЕЙ...»

«Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют»

Протагор

Для цитирования: Попов С. И. Тезис софиста Протагора «Человек есть мера всех вещей» // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2024. Т 5. № 3. С.78-81

«Софистами» («мудрствующими») в Древней Греции середины V в. до н.э. называли платных учителей философии, а главным образом – логики и риторики. Софисты образовали довольно широкое общественное движение, которое иногда называют «древнегреческим просвещением». Новшеством в их деятельности была установка на то, что «мудрости» можно научить любого человека. Речь в этом случае, понятно, шла не о возможности научить переживать всю глубину мыслимых идей, а скорее, о возможности научить любого человека убедительно рассуждать об этих идеях – «мудрствовать». Деятельность софистов как бы сводила философию «с неба на землю», делала ее из божественного дара – профессией.

Движение софистов не было однородным. Если к софистам первой генерации (Протагор из Абдер, Горгий из Леонтин, Продик Кеосский) вполне применимо понятие «философ», то позднейшие софисты, сосредоточившись на обучении риторическим уловкам, изменили мудрости и истине, чем и заслужили довольно презрительное отношение к себе потомков. Однако, думается, такой «поворот» поздних софистов был уже предопределен мышлением их благородных учителей.

Известный афоризм Протагора (см. эпиграф) обычно интерпретируют в субъективистском смысле: «каждый отдельный человек – задает меру бытия вещам». Нельзя сказать, что Протагор для такой трактовки своего высказывания не дает оснований. Один из его афоризмов гласит: «Когда дует ветер, одному холодно, а другому нет. Мы, следовательно, не можем сказать об этом ветре, что он на самом деле холоден или нет» [5, с. 159]. Из указанного афоризма вытекают два положения, ставших эмблемами, маркирующими софистов на фоне мировой философии: положение о наших возможностях познания («перспективизм») и положение о статусе истины (ее относительность, «релятивизм»). Вот как раз они получили развитие у поздних софистов.

Каждый из нас видит мир не «как он есть», а в определенной перспективе (столяр ценит в молотке «прикладистость», продавец – товарный вид, убийца – незаметность под одеждой...) [4, с. 67]. Каков молоток

«на самом деле»?!. Получается, истина у каждого – своя (зависит от перспективы видения). Эта роковая убежденность лишает возможности, например, установить истину в ходе дознания, следствия. Поздние софисты как бы говорят: не ищи истину, ищи выгоду; поверни дело в свою пользу; пользуясь данным тебе нами искусством, убеди суд в своей непричастности, обвини в преступлении другого – менее искусного в словесном противоборстве.

Из положения об относительности истины вытекает, что все тезисы стоят друг друга. Поднаторевший в софистическом искусстве должен быть готов отстаивать любой тезис. Особенно эта способность актуальна для политиков. «Разукрашенную речь – ту, которую мы считаем уходом от сути дела или даже обманом, греки в эту эпоху вдруг снова стали полагать одним из основных профессиональных инструментов государственного человека» [8, с. 224].

Имел ли все это в виду Протагор в своем знаменитом афоризме? Как мне видится, вряд ли он вкладывал в высказывание именно такие мысли. Из самих слов «человек есть мера всех вещей...» ни перспективизм, ни релятивизм не вытекают; в афоризме Протагора речь идет, скорее, о «родовом человеке», о человечестве. Человечество – отмеряет меру бытию, задает ему масштаб. Это подтверждается легкой возможностью достижения общей перспективы видения мира и любого его фрагмента. Тот же молоток видится столяром ведь не только в узкой перспективе его профессии просто потому, что столяр – не только столяр, но и учащийся, будущий продавец и т.д., словом, обычный развитый – универсальный – человек.

Могли быть выведены перспективизм и релятивизм из высказывания Протагора? На мой взгляд, могли – особенно в определенном общественно-историческом контексте (софистическое искусство в Древней Греции было востребованным, греки любили судиться и не всегда были в этом деле добросовестны). Отдельного разбирательства, однако, заслуживает вопрос, насколько к перспективизму и релятивизму склоняло развитие древнегреческой натурфилософии на момент появления софистов как движения.

Древнегреческая духовность на своем пути к рациональному умопостижению пережила ряд революций: движение от «оргиастической» духовности к «мистериальной» духовности (1); переход от логики образности к логике понятий (2), переход от вопроса «как мир возник?» к проблеме «как мир устроен? (3)» [3].

Героями первого перехода были орфики (последователи полубог-полубогини Орфея), преобразовавшие простодушную одержимость поклонников Вакха-Диониса в духовное «опьянение» знанием и отстраненное отношение к миру. Орфические теогонии, впрочем, использовали язык мифа с его образностью и персонификацией сил природы. Мыслители «Милетской школы» (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен), а также их неизвестные предшественники и последователи в Ионии осуществили второй переход – заложили основы новой «мыслительной площадки»: не созерцать (благоговев и ужасаясь) природные явления, а объяснять их в понятиях, при этом объяснять естественными причинами, а не волей богов. Самым трудноопознаваемым из-за его неоднозначности предстает третий переход. Тема субстанции мира ионийской натурфилософии (это либо первозданный хаос, либо одна из четырех стихий, полагаемая «старшим» началом – первоначалом сущего) возвращала мысль к вопросу возникновения мира, то есть к «методу» мифа. Тема мысленного «расчленения» целого на фиксированные части и последующего «собираения» мира из частей отсылала к вопросу об устройстве мира. Рассмотрим эти два разнонаправленных вектора ранней античной мысли по мере ее движения от архаики к классическому периоду на примере судьбы доктрины о четырех первоначалах (огонь, вода, земля, воздух).

Доктрина четверки стихий-первозлементов имеет очень древние корни – гораздо древнее ионийских натурфилософов. Она упоминается во фрагментах, посвященных полубог-полубогине Лину – современнику Гомера (VIII в. до н.э.) [6]. «Концепция 4-х первоначал мира, которую Лин в приписываемой ему поэме «О природе космоса» излагает уже вполне натурфилософски, явно обнаруживает свое мифологическое происхождение. Что бы ни означал сам указанный миф, ... трудно отделаться от ощущения бедности его содержания. Непохожие и многообразные вещи сводятся к земле, воде, воздуху и огню. И эта четверка перво-стихий устойчиво воспроизводилась в античности, несмотря на вопиющее ее противоречие с реалиями жизни, с растущим знанием. Сами древние, вероятно, так же, как и мы, ощущали нищету содержания данной концепции, но воспроизводили ее из соображений сакрального характера» [2, с. 182].

Знаменитый С. Хокинг отмечал «стерильность» данной доктрины: она «...была достаточно простой, чтобы

называться теорией, но с ее помощью нельзя было получить никаких определенных предсказаний» [7, с. 24]. Доктрина, банальная с содержательной стороны, однако, может быть интерпретирована формально – как принцип упорядочения мира посредством числа «4». Здесь мы имеем дело с вполне прозрачной аналогией организующему принципу мира из трактата «О седмицах» – древнейшего из дошедших до нас прозаического текста о природе. В указанном трактате мир упорядочивается с помощью семерок. Миром правит число семь, ибо «таково число мира, семичастна всякая форма в нем, семичастен порядок каждой из частей» [6, с. 552]. Безвестный автор («гептадор» – «семерочник») усматривал важнейшие семерки: медицинские (семь функций головы, семь частей тела, семь дней болезни до кризиса, ...), космологические, геологические, географические. Хотя выбор семерки как принципа порядка кажется произвольным, он позволяет рассмотреть мир как целое, пронизанное единым «ритмом», «логосом» (прообраз будущего «закона»). С другой стороны, обращает на себя внимание неслучайность аналогии семерки и четверки. У того же древнего Лина мы читаем, что есть «четыре начала у всех вещей ... тремя узлами держимы. ... Интервал от земли до воды физики называют Необходимостью... Интервал между водой и воздухом – Гармонией..., а между воздухом и огнем – Послушанием» [6, с. 72]. $4+3=7$, иначе говоря, семерка произведена от четверки.

Формальный смысл четверки впервые проявляется у Эмпедокла (490–430), который обходится без мифической «трансмутации» первоэлементов друг в друга (Анаксимен) и без столь же фантастического порождения четверки (или тройки) остальных первоэлементов неким «старшим» началом. «У Эмпедокла картина мира была похожа на картину города, раздираемого борьбой четырех партий» [1, с. 204]. Для него важна не качественная специфика четырех начал, а то, что их – четыре. «Из 4-х непохожих и независимых элементов в концепции Эмпедокла при помощи действующей в универсуме силы «любви» («симпатии»? тяготения?) собираются (как в конструкторе LEGO?) любые вещи мира» [2, с. 182]. У Гиппократ Косского (460–370) – жителя Ионии – мы видим, но уже применительно к анатомии и физиологии, снова четверку начал (4 сока в теле), как и у Эмпедокла – философа, мага и тоже врача, жившего на далеком западе – в Великой Греции (юг Италии).

Линию культурной преемственности магии чисел в ранней античности можно рискнуть понять так. Пифагор еще в Ионии мог слышать об идеях трактата «О седмицах». В Великой Греции, куда он переехал около 540 г. до н.э., эти идеи могли стать секретными (в духе «ордена» пифагорейцев), обретя тем самым сакральное значение. Это предопределило их дальнейшую трансля-

цию, как и сохранение до наших дней. То, что идеи эти циркулировали в сообществах врачей, объясняет преемственность числовой символики, с одной стороны, от врача-гептадора – косской школе, с другой стороны, от гептадора – через Пифагора – медикам-пифагорейцам Великой Греции и Эмпедоклу, который тоже отчасти врач. У медика-пифагорейца Алкмеона (расцвет его деятельности пришелся на первую половину V в. до н.э.) появляются пары противоположных качеств: сладкое – горькое, сухое – влажное, горячее – холодное, мягкое – твердое. То есть, у Алкмеона элементы четверицы из постоянных становятся переменными, как в математической функции.

Ко времени Эмпедокла, Алкмеона и, позднее, Гиппократы мы видим утрату четверицей указания на мифологические первостихии. За ней остается значение чисто количественного, математического, упорядочивающего мир принципа. Подход гептадора – Пифагора – медиков оказался рациональным и перспективным в плане научности (оспаривая символику чисел, родилось естествознание). Как мы видим, числовая магия привилась в среде врачей, которые и передали эту традицию через свои интеллектуальные сети сначала пятому веку до н.э., а потом и нашему времени. А что же другие ранние философы, известные нам из курса античной философии? И затронула ли их эта традиция?

В середине V в. до н.э. проявился третий по времени и по значимости (после разрушения Милета персами в 494 г. до н.э. и печального конца ионийской науки, и после столь же печального примерно в это же время конца пифагорейства в Италии и после триумфальной победы Афинского союза полисов над персами) культурный очаг – Афины времен Перикла (462–429). Ксенофан (580–450), в конце концов поменявший Колофон на Сиракузы, общался с Эмпедоклом, но вряд ли был приобщен к математическому строю мыслей. Мысль Ксенофана – Парменида оставалась в рамках теологически и поэтически окрашенного умозрения. Простой арифметический расчет показывает, что Парменид (540–?) не мог встречаться с Сократом (469–399) – борцом, как известно, с релятивизмом софистов. Восхищение же Сократа Парменидом в соответствующем диалоге Платона легко объяснить привычкой греков придавать давней истории вид недавно пережитого события. Зенон Элейский то ли встречался с Протагором (жили в разных концах древнегреческого мира), то ли обращался к нему чисто риторически (как это было принято у греков, включая школьные сочинения), но, несомненно, о Протагоре знал [5, с. 144]. Горгий из Леонтин (483–375) – второй знаменитый софист первой их генерации и ученик Эмпедокла (490–430) – в 427 г. до н.э. переехал в Афины, где, видимо, и приобщился к софистическому мейнстриму. Учитель Анаксагора Анаксимен Милет-

ский (младший) был последователем Парменида, беженцем от персов, вернувшимся в Ионию после победы греков над ними.

Контакты двух сильно географически удаленных областей греческого мира (юг Италии Великая Греция и балканская Греция) были слабыми и спорадическими. Можно быть уверенным, что числовая магия с ее акцентом на поиск закономерности в видимом мире до Афин либо не дошла, либо не была там понята. Несложный же перебор известных персоналий той эпохи в области натурфилософии скоро выводит на две виднейших афинских «звезды» – Анаксагора (500–428) и Демокрита (460–360).

Эти натурфилософы, рассуждая о субстанциях мира (на сей раз бесконечно малых), по сути, вернулись к субстанциалистскому мышлению милетской школы («как мир возник»). «Атомы» Демокрита и «гомеометрии» Анаксагора, не содержа ничего, что могло бы быть ассоциировано с «законом природы» («как мир устроен»), создавали лишь поверхностное впечатление изучения вещества. «Слова «всё состоит из атомов и пустоты» были содержательны и оправдывали допущение любых конкретных свойств атомов, особых для каждого случая и не выведенных из идей атомизма» [8, с. 233]. Открытие же Платоном позднее идеального мира (переосмысление чисел пифагорейцев в качестве сверхъестественных сущностей) открывало новые возможности для рациональной теологии.

Обращает на себя внимание та неуверенность в возможностях чувственного познания, которую выражают дошедшие до нас фрагменты Анаксагора и Демокрита (Протагор был его учеником). Анаксагор: «Все полно мрака. В мире царит не знание, а мнение. И объекты представляют собой что угодно, а наше знание о них лишь такое, какими они нам кажутся» [5, с. 131]. «Можно ли познать вещи? Нет. Ведь мы только тогда полагаем, что познали сложную вещь, когда знаем ее компоненты. А возможно ли это при бесчисленных первоначалах?» [5, с. 134]. Демокрит: «Лишь в общем мнении существует сладкое, в мнении – горькое, в мнении – теплое, в мнении – холодное, в мнении – цвет, в действительности же существуют только атомы и пустота» [5, с. 194].

Символическое удвоение мира, где сущность размещена в невидимом измерении (доступном только умозрению), а видимое измерение лишь зыбко и поверхностно выражает эту самую сущность, как кажется, вполне координируется с перспективизмом и релятивизмом в гносеологии. Натурфилософские поиски Анаксагора и Демокрита продолжили метафизическую линию античной философии, где реальность сама по себе нам никак недоступна (воображение «гомеометрий» или «атомов» никак не утешает), а доступны (чувствен-

но – как же иначе?) только ее видимости. Магия чисел была ориентирована на поиск «закона» («логоса»). Субстанциалистское мышление ориентировано на поиск «подлинной реальности» (в этом оно близко мифологическому мышлению), по отношению к которой видимое – всегда лишь относительное. Метафизика расплодила неоднозначность, в которой ведь легко прочесть позднейшие кантовские антиномии.

Таким образом, зерно разночтения, зерно сомнения в истине оказалось невольно брошенным Протагором во вполне подготовленную спекулятивной линией ранней античной философии почву и породило в дальнейшем проблему объективности истины, выродившуюся в античную полемику о статусе истины. Знаковой фигурой этой полемики оказался Сократ, в пику софистам отстаивавший идею объективности истины.

Источники и литература / Sources and references

1. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция: Рассказы о древне-греческой культуре. СПб. : Амфора, 2015. 480 с.
2. Попов С. И. Код мира: о значении четверки стихий в генезисе рационального мышления у древних греков // Право и практика. 2021. № 1. С. 181–185.
3. Попов С. И. Правильно ли мы понимаем переход от мифа к логосу? // Сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Социальные коммуникации: философские, политические, религиозные, культурно-исторические измерения» (г. Кемерово, КеМГУ, 25 мая 2023 г.). Кемерово: КеМГУ, 2023. С. 60-63.
4. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии: уч. пос. М. : ВЛАДОС, 2003. 800 с.
5. Таранов П. С. Анатомия мудрости: 106 философов; жизнь, судьба, учение. В 2-х т. Т. 1. Симферополь: «Таврия», 1995. 464 с.
6. Фрагменты ранних греческих философов / сост. А.В. Лебедев. Ч. 1. М. : Наука, 1989. 576 с.
7. Хокинг С. Краткая история времени: От большого взрыва до черных дыр. СПб. : Амфора, 2001. 268 с.
8. Чайковский Ю. В. Лекции о доплатоновом знании. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2012. 483 с.

Информация об авторе:

Попов Сергей Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.
E-mail: historyross@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1476-6712

Author:

Popov Sergey Ivanovich, Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Culture Studies, Kemerovo State Medical University.
E-mail: historyross@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1476-6712